Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Памяти великого маэстро

08.12.2023.

Photo © Maria Slepkova

10 декабря исполнилось бы 85 лет Юрию Хатуевичу Темирканову. Он не дожил до юбилея чуть больше месяца.

Меломаны среди наших читателей уловили, конечно, в заголовке намек на фортепианное трио «Памяти великого художника», созданное П. И. Чайковским на смерть безвременно скончавшегося в 1881 году основателя Московской консерватории Н. Г. Рубинштейна. Да, были времена, когда выдающиеся музыканты не считали зазорным восхищаться друг другом как в глаза, так и посмертно, когда никакой пользы из восхищения извлечь уже было нельзя. Те времена прошли. Рожденные ползать летать не могут.

Сообщив о кончине великого дирижера Юрия Хатуевича Темирканова 2 ноября этого года, мы намеренно не стали публиковать некролог, а решили дождаться юбилейной даты – думаем, он бы это предпочел. Хотелось также посмотреть, как отреагирует на его уход так называемая швейцарская музыкальная общественность. Она не

отреагировала практически никак. Ни фестивали в Вербье и в Люцерне, где он выступал в течение десятилетий, ни Оркестр Романдской Швейцарии, за пульт которого он впервые встал в 2013 году, не сочли нужным почтить его память на своих сайтах, ни один некролог не попался нам на глаза в крупных газетах, зато порадовал искренний пост Шарля Дютуа на его личной страничке в Фэйсбуке – не забыл швейцарский дирижер, как российский коллега поддержал его в крайне трудный и неприятный момент. Спасибо ему за это, а что касается остальных, то…

Как не согласиться с Темиркановым, обожавшим Пушкина и часто цитировавшим его строки «Кто жил и мыслил, тот не может/ В душе не презирать людей», когда узнаешь, что уважаемый великовозрастный кинорежиссер, оказавшийся в соседней с Темиркановым больничной палате и знавший, что тот никого к себе не пускает, зашел по-свойски, сфотографировал без спроса и выложил фото в соцсетях? Как не согласиться с ним, читая, как один (бывший) российский журналист, при жизни Темирканова певший ему дифирамбы, теперь находит изъяны в его дирижировании, иронизирует насчет шарфиков маэстро, сетует, что его репертуар был ограничен (достаточно взглянуть на список произведений, исполненных Темиркановым в одной только Петербургской филармонии, чтобы убедиться в несправедливости этих слов) и распускает сплетни об отношениях Темирканова с Марисом Янсонсом, которые ни первый, ни второй уже не могут опровергнуть? Да и не стали бы они унижаться до опровержений. Не далеко ушел от этого журналиста и его английский коллега, в некрологе в «The Guardian» напиравший прежде всего на особые отношения дирижера с президентом Путиным. Как все это мелко, Хоботовы…

Мне посчастливилось быть хорошо знакомой с Юрием Хатуевичем, а потому хочется рассказать о нем не формально, заполнить некоторые пробелы «между строк» в его официальной биографии и ответить на ряд вопросов, мучающих, судя по всему, отдельных музыкальных критиков и журналистов, тем более, что на ряд этих вопросов маэстро ответил сам – в на редкость обширном и откровенном интервью, опубликованном в выпуске № 5 печатного приложения к Нашей Газете, в 2014 году (его можно полистать здесь, стр. 64).

© Stas Levshin

«Волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой» – так описывал Пушкин Ленского и Онегина. Будь Александр Сергеевич знаком с Юрием Хатуевичем, он наделил бы всеми этими чертами его одного, настолько противоречивым человеком был Темирканов: внешнее спокойствие в сочетании с кавказским темпераментом, кажущаяся мягкость – с жесткостью, а то и с жестокостью, непритязательность в быту – с абсолютной бескомпромиссностью в работе, любовь к простой еде (мясо должно быть хорошо прожаренным, соус – обжигающе-острым, мороженое – карамельным с солью) и к изысканным вещицам; глубина и мудрость и порой поразительная недальновидность; способность увлекаться, воодушевляться и неожиданные проявления равнодушия, апатии; чувство юмора, страсть к анекдотам и периоды депрессии, недуга многих творческих людей. Юрий Хатуевич умел очаровывать: со старшим моим сыном он беседовал о сольфеджио и математике, с младшим – о футболе, с одинаковой вовлеченностью. В момент, когда Темирканов с кем-то разговаривал, собеседнику казалось, что никого важнее его нет для маэстро на свете, а через некоторое время он мог его при встрече не узнать. Но не узнанный не обижался, покоренный невероятным обаянием Гения. О женщинах я даже не говорю...

Вынужденно – положение обязывало – публичный человек, он очень любил уединение: усесться в удобное кресло с чашечкой кофе (с горячим молоком) и сигаретой, взять в руки любимую книгу – в этом было для него высшее удовольствие. Юрий Хатуевич был страстным читателем, в последние годы предпочитая документалистику художественной литературе: помню, какое впечатление произвело на него интервью Владимира Димитриевича, о котором он, как и все в России, никогда не слышал и не знал, что именно швейцарскому издателю мир обязан первой публикацией на русском языке романа «Жизнь и судьба» Василия

Гроссмана.

Из личного архива Н. Сикорской

В любой биографии Темирканова вы прочитаете, что он родился в Нальчике и начал музыкальные занятия в 9 лет, а в 13 лет переехал в Ленинград и продолжил обучение в Средней специальной музыкальной школе при Ленинградской консерватории по классу скрипки, после чего окончил Ленинградскую консерваторию по классам альта и симфонического дирижирования. Все это так, только вряд ли в послевоенном Нальчике музыкальное образование было поставлено на широкую ногу. Что же случилось? Как рассказывал мне Юрий Хатуевич, он стал музыкантом из вежливости, и вот почему: «Давным-давно, после страшного землетрясения в Ашхабаде *(эта трагедия произошла в ночь с 5 на 6 октября 1948 года. – Н.С.)* в мой родной Нальчик переехала чудом уцелевшая семья учителя музыки по классу скрипки. Они сняли домик рядом с нами. В то время никто на Кавказе особенно музыкой заниматься не хотел – послевоенное время, голод, какая музыка? А ему нужно было оправдывать зарплату. И вот он увидел нас с братом, гонявших во дворе мяч, и спросил: «Хотите заниматься?» «Хотим», – ответили мы, поскольку иной, отрицательный, ответ старшему по возрасту человеку был просто невозможен. Я был младший, мне дали скрипку, а брату виолончель. И мы стали учиться». Так началась Судьба. Звали учителя Валерий Федорович Дашков. Позже он уехал в Израиль вместе со своей женой – ученицей Константина Игумнова Беатрисой Фридман, и во время первых же гастролей в этой стране Юрий Хатуевич их разыскал.

Известно из официальных биографий и то, что в Ленинградской консерватории он учился у Ильи Александровича Мусина, но ни в одной из них не упоминается Николай Семенович Рабинович, которого Темирканов также считал своим педагогом, и которому посвятил невероятно трогательную статью, в которой объяснил, почему не

пошел к нему в класс: «К Николаю Семеновичу я не пошел, потому что он был человек жесткий – наше невежество было оскорбительным для его энциклопедических знаний и культуры. Он был человеком поистине ренессансного толка. Он знал все – по крайней мере, все, что имело отношение к музыке. Знал он так много, что сегодня всем нам, соберись мы вместе, не удалось бы ни перевесить, ни осилить его знания».

Уроки Рабиновича не прошли даром, Темирканов тоже оскорблялся невежеством.

Из личного архива Н. Сикорской

Изначально оперный дирижер – его постановки не только в Мариинском или в Большом театрах, но и, например, в Парме до сих пор считаются эталонными – он постепенно отказался от этого жанра, признавшись, что смотреть современные постановки для него было отвратительно: отвратительно смотреть, как режиссеры превращают «великую музыку гениальных композиторов в сопровождение собственных фантазий, к музыке не имеющих никакого отношения».

Те, кому довелось видеть, как дирижирует Темирканов, слушать оркестр, доведенный им до совершенства и реагирующий не только на каждый жест, но и на каждое движение бровей маэстро, восхищаться точностью и элегантностью его движений, никогда не забудут испытанных ими ощущений, которые трудно передать словами - ни от Седьмой симфонии Шостаковича, ни от Второй Малера, первыми встающими в памяти. Но лишь побывав на репетициях, понимаешь, какой труд стоит за каждой нотой, за общей кажущейся легкостью. Я помню свое изумление, когда, в

один из приездов Юрия Хатуевича к нам в гости, застала его в 4 часа утра за изучением партитуры произведения, которым он дирижировал множество раз и, казалось, знал наизусть. Не падает божественное исполнение с неба!

Мы не раз беседовали с ним об отношениях интеллигенции с властью. Будучи убежденным в том, что первая должна держаться от второй подальше, он не отрицал своих добрых отношений с Владимиром Путиным, с которым был знаком еще с тех пор, когда нынешний президент работал в мэрии Петербурга. Я присутствовала и на 75-летии Темирканова, и на 80-летии. На обоих торжествах был президент, он произносил тосты, оставался на ужин. Ни малейшего подобострастия в поведении Юрия Хатуевича не наблюдалось, а в зал он входил впереди Путина, считая это совершенно нормальным.

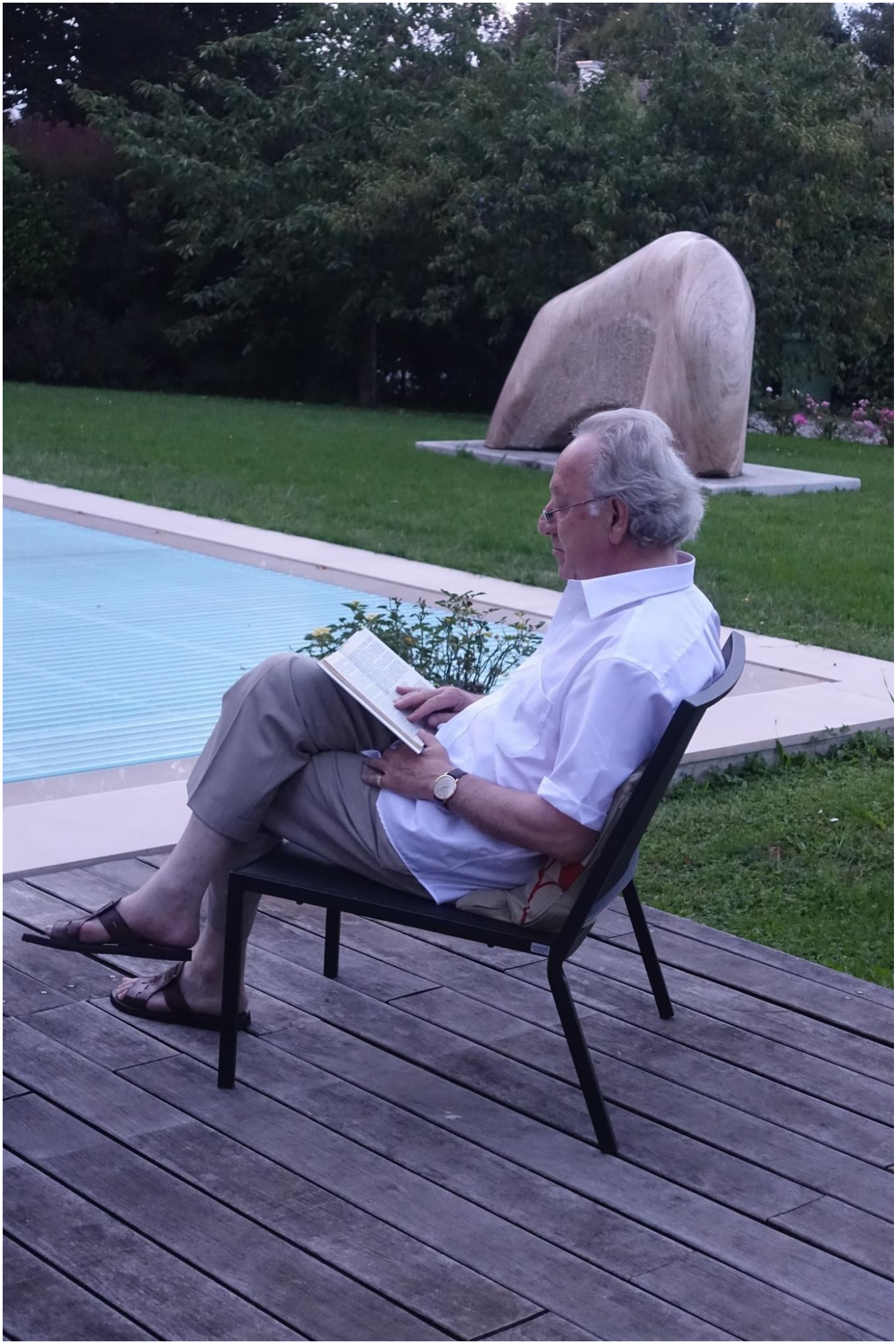

Из личного архива Н. Сикорской

Суть своих отношений с президентом он объяснял так: «В России так принято, что, кто бы ни был у власти – хоть монархисты, хоть коммунисты, – в итоге все всегда решает один человек. Например, министр финансов в России не может сам принять решение о том, чтобы выделить на культуру больше денег. Поэтому, хорошо это или плохо, но некоторые принципиальные вопросы, действительно, приходится обсуждать с тем, кто такие решения принять может. И я это делаю, поскольку по должности обязан делать. Например, по моей просьбе президент Путин в десять раз повысил зарплату пяти основным оркестрам страны. А первыми, о ком я вообще его когда-то просил, были педагоги консерватории. А недавно он в три раза повысил зарплату нашему оркестру. Он понимает, что по пустякам я его беспокоить не буду и для себя лично никогда ничего не попрошу». При этом, говоря на эту тему с моим сыном, тогда 12-летним, он признавал, что ситуация, при которой вопрос о покупке рояля для Петербургской филармонии должен решаться на уровне президента, не

может считаться нормальной. И кто сможет привести пример публичной поддержки Темиркановым некоторых действий российского президента ? Никто.

В последние несколько лет Юрий Хатуевич много болел: его подкосила сначала смерть обожаемого старшего брата, потом единственного сына, потом ковид, выбивший его из привычного ритма, лишивший гастролей… Мне кажется, что он был рад не дожить до очередного юбилея. Он и вообще не любил чествований, в день своего 80-летия говорил моему отмечавшему тогда 18-летие сыну: «Вот когда тебе будет 80 и все тебя будут поздравлять, ты поймешь, как это противно!». А уж в нынешней обстановке в России любой официоз был бы ему точно невыносим.

Из личного архива Н. Сикорской

… Каждый раз, приезжая к нам в гости в Женеву, Юрий Хатуевич направлялся в библиотеку и доставал 10-й том из Собрания сочинений Л.Н. Толстого, чтобы в очередной раз перечитать «Смерть Ивана Ильича», одно из любимейших своих произведений. Думаю, эту повесть он вспоминал и в последние дни, отождествляя себя с персонажем, всю жизнь жившим легко и приятно, а потом заболевшим неизлечимой болезнью. Все стало тогда безразлично Ивану Ильичу, только не оставляло его «сознание безнадежно все уходящей, но все не ушедшей жизни; надвигающаяся все та же страшная ненавистная смерть, которая одна была действительность». Сомневаюсь, что Юрий Хатуевич плакал, как Иван Ильич, «о беспомощности своей, о своем ужасном одиночестве, о жестокости людей, о жестокости бога, об отсутствии бога», но отлично представляю себе его беседующим на вечные темы со Львом Николаевичем и со многими другими достойными его собеседниками. А уж какой оркестр он там сможет составить…

… Гении – люди особые, не стоит ни пытаться мерить их общим аршином, ни приближаться к ним слишком близко, дабы не обжечься и не разочароваться. Не стоит стараться заглянуть за кулисы, подсмотреть в замочную скважину, лучше любоваться ими с некоторого расстояния: на сцене, на экране… К счастью, осталось множество аудио и видео записей концертов Юрия Хатуевича Темирканова, его удивительных рассказов о музыке, которыми мы по-прежнему можем наслаждаться. Давайте этим и займемся.

Низкий поклон великому маэстро за чудо его Музыки, которой – единственной! – он верно служил всю жизнь.

А теперь доставьте себе удовольствие и послушайте "Привет любви" Э. Элгара в исполнении Филармонического оркестра Санкт-Петербурга под управлением Юрия Темирканова, это займет не больше четырех минут.

русские музыканты в Швейцарии
дирижер Юрий Темирканов

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/la-memoire-dun-grand-maestro*